

Этические и правовые дилеммы эпохи глобальной пандемии¹

Дидикин Антон Борисович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
доктор философских наук, профессор факультета права; e-mail: abdidikin@bk.ru.

Тринитка Дарья Геннадьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
преподаватель факультета права; e-mail: d.trinitka@hse.ru.

Аннотация

Статья посвящена анализу современных тенденций формирования этических и правовых дилемм в обществе под влиянием глобальной пандемии. На основе рассмотрения ключевых аргументов, характеризующих доминирующие формы правового дискурса в современной философии права, авторы обосновывают ряд противоречий, к которым приводят реалистические представления о праве и возможности прямого использования в практике правоприменения данных эмпирических наук. Рассмотрены ключевые социальные проблемы и вызовы, сложившиеся под влиянием пандемии, а также возможности преодоления противоречий между ценностными установками граждан, необходимостью обеспечения правовых принципов и восстановления эффективного диалога между властью и обществом при применении чрезвычайных мер.

Ключевые слова: философия права; этика; метафизический реализм; правовой конвенционализм; пандемия; гражданская ответственность; самоизоляция; публичный диалог; ценности; правовые принципы.

Ethical and Legal Dilemmas in the Age of a Global Pandemic²

Anton B. Didikin
National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Law Faculty, e-mail: abdidikin@bk.ru.

Darya G. Trinitka
National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
Lecturer at Law Faculty; e-mail: d.trinitka@hse.ru.

Abstract

The paper is devoted to the analysis of current trends in the formation of ethical and legal dilemmas in society under the influence of a global pandemic. Based on the consideration of the key arguments characterizing the dominant forms of legal discourse in the modern philosophy of law, the authors justify a number of contradictions that lead to realistic ideas about law and the possibility of direct use in the practice of law enforcement of these empirical sciences. The key social problems and challenges that have developed under the influence of the pandemic are considered, as well as the possibilities of overcoming contradictions between the values of citizens, the need to ensure legal principles and restore an effective dialogue between the authorities and society when applying emergency measures.

Keywords: philosophy of law; ethics; metaphysical realism; legal conventionalism; pandemic; civil responsibility; self-isolation; public dialogue; values; legal principles.

Глобальная пандемия, связанная с распространением коронавирусной инфекции, за последние два года стала одним из наиболее важных вызовов существующей социальной реальности и объектом осмысления многих научных дисциплин. На протяжении столетий человеческая цивилизация не раз сталкивалась с эпидемиями, однако они

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта НИУ ВШЭ «Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния».

² The article was prepared as part of the research project of the National Research University Higher School of Economics "Ethics and Law: Correlation and Mechanisms of Mutual Influence".

не имели таких масштабных последствий с точки зрения влияния на социальную среду и в значительной степени носили временный характер, а впоследствии создавали у общества возможность противодействия новым эпидемиям. Сложность философского осмысления пандемии в наши дни состоит в том, что она превращается в элемент повседневной жизни каждого человека. Ограничения массовых мероприятий, режим самоизоляции и карантина, удаленная работа — эти понятия прочно вошли в бытовую жизнь граждан. Наряду с этим вокруг глобальной пандемии формируется обширное информационное пространство, создающее разные источники получения данных у людей относительно характера и диагностики заболевания коронавирусной инфекцией, не всегда содержащие достоверную и проверяемую информацию. Такое положение дел способствует формированию атмосферы недоверия к реализуемым мерам противодействия пандемии, сомнений в эффективности уже принятых решений. Органы публичной власти реагируют на пандемию ситуативно и хаотично, отказываясь от публичного диалога с обществом в выработке совместных усилий по борьбе с инфекцией (отдельные страны, наподобие Австралии, прибегали к длительному режиму локдауна, существенно ограничивающему права граждан без достаточных на то оснований)³. Нельзя не отметить и стремительное развитие цифровых технологий в условиях глобальной пандемии, поскольку и торговля, и трудовая деятельность, и культурная жизнь переместились в виртуальную форму, создавая причудливые сочетания гибридного типа (офлайн и онлайн одновременно). Это неизбежно формирует новый уровень цифровой грамотности у граждан, не имеющих возможности другими способами поддерживать социальные связи и коммуникации, и одновременно с этим социальные проблемы и технологические вызовы для разных социальных групп и сообществ.

Отмеченные тенденции подтверждают актуальность концептуального осмысления происходящих событий с точки зрения философско-правового дискурса. Очевидно, что сложившиеся подходы к пониманию природы права и правовых институтов, гармонизации правовых и моральных предписаний с целью рационального воздействия на поведение людей, не соответствуют уровню возникающих социальных проблем и требуют переосмысления в новых условиях. В статье предпринимается попытка рассмотреть современный философско-правовой дискурс с позиции возможного применения в нем экспертных оценок, результатов общественных дискуссий, форм выражения публичного мнения заинтересованными участниками.

Метафизический реализм и конвенционализм в философско-правовом дискурсе

Что представляет собой современная философия права? Это, прежде всего, сочетание двух взаимосвязанных, но в то же время идейно различающихся традиций философских рассуждений о праве — аналитической и континентальной. Континентальная традиция содержательно является *антисциентистской*, направленной на философское осмысление правовых явлений в контексте ценностей, метафизических сущностей, тесной связи права с этическими постулатами, культурой и социальной средой. Несмотря на широкий подход к осмыслению природы права, в континентальной традиции сложилось устойчивое недоверие к строгим логически обоснованным конструкциям, попыткам применения методов точных наук к области правового регулирования. Само юридически значимое поведение субъектов рассматривается в континентальной традиции как ситуативное, иногда иррациональное, а потому требующее юридической оценки с позиции действующих правовых норм. Отсюда многообразие философско-правовых концепций, сложившихся в недрах континентальной традиции, и их тесная связь с правовыми институтами романо-германской правовой семьи (в частности, феноменология права, правовая герменевтика, теологические концепции естественного права и др.). Аналитическая традиция, напротив, основывается на философских рассуждениях о праве в духе *сциентизма*, изучения грамматики юридического языка, логики юридической аргументации и в целом активного обоснования нормативного подхода к праву, поскольку выход за рамки нормативной природы права вызывает у аналитических философов права определенное недоверие и скептицизм⁴. Для отечественной традиции философии права характерно внимание к социальной природе правовых институтов (под влиянием марксизма), попытки сформулировать концепции интегративной юриспруденции с целью гармонизации существующих подходов к пониманию сущности права⁵.

Вплоть до 70-х гг. XX в. в философии права наблюдалось устойчивое разделение аналитической и континентальной традиций. Однако фундаментальный характер вопросов о природе правовой реальности, эпистемологических средствах познания правовых явлений, взаимосвязи этических и правовых предписаний в механизме регулирования поведения граждан способствовал сближению теоретических подходов. Так, например, методологическую основу аналитической философии права изначально составляли базовые установки и аргументы правового позитивизма, предполагающие жесткое разделение права и морали (в интерпретации Дж. Остина и отчасти И. Бенгама),

³ *Daly T.* Securing Democracy: Australia's Pandemic Response in Global Context. Melbourne School of Government: Governing During Crises Policy Brief Series. No. 1 (3 June 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3775908> (date of access: 02.02.2022).

⁴ *Бикс Б.* Концептуальные вопросы и юриспруденция // Труды Института государства и права РАН, 2020. Т. 15. № 5. С. 52–73.

⁵ *Ромашов Р. А.* Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Правоведение, 2013. № 3 (308). С. 105–120.

нормативного и фактического в праве, а также обоснование различия между источниками появления правовых и моральных обязательств, но позднее позитивистская аргументация становится более гибкой и изменчивой. Ключевой аргумент философско-правовой концепции Г. Харта о том, что среди субъективных прав, конституируемых правилом признания (чаще всего нормами конституции), можно обнаружить и моральные права, имеющие естественно-правовую природу (как, например, право на свободу), вызвал теоретические разногласия и стал по существу уступкой в пользу признания минимального морального содержания в праве. Примером дебатов по данному вопросу стала дискуссия Г. Харта с П. Девлином о пределах государственного принуждения с помощью уголовно-правовых мер и вмешательства в частную жизнь граждан, не завершенная до настоящего времени⁶.

В 70-е гг. XX в. разграничение аргументов *экслюзивного* и *инклюзивного* правового позитивизма с точки зрения воздействия моральной аргументации на принятие правовых решений станет поводом к сближению различных теоретических позиций. Сторонники экслюзивного правового позитивизма (Дж. Раз, А. Мармор и С. Шапиро) полагали, что право не может включать в себя принципы помимо правовых норм, а если закон вдруг отсылает к принципам, то судья фактически выступает в роли законодателя, который должен с помощью толкования данных принципов урегулировать возникший правовой спор⁷. В *экслюзивном правовом позитивизме* не остается места для превращения моральных принципов в правовые, поскольку природа права проистекает из социальных фактов и особых видов источников права. Право и мораль являются разными регуляторами поведения людей, а потому исключена возможность даже частичного совпадения их границ. *Инклюзивный правовой позитивизм* (М. Крамер, Дж. Коулман, У. Валучов и К. Химма) возникает как теоретическая позиция, допускающая *концептуальную возможность* использования моральных критериев для определения действия и содержания права⁸. Такая возможность вполне реализуема на практике, если судьи или органы публичной власти прибегают к моральной аргументации при принятии правовых решений.

Однако в этот же период появляются попытки обоснования идей *метафизического реализма* с целью совершенствования доминирующего в западной юриспруденции философско-правового дискурса. Такая реалистическая позиция направлена на сближение аргументации аналитической и континентальной традиций в философии права и допускает заимствование аргументов из области естественных наук (и медицины в том числе) в сфере права. Ключевые положения метафизического реализма, несмотря на их теоретическую незавершенность, можно свести к следующим положениям:

- признание объективного характера исследуемых сущностей, существование которых не зависит от индивидуального восприятия этих сущностей (тезис, близкий позиции научного реализма в эпистемологии);
- признание корреспондентной теории истины как соответствия научных суждений объективной реальности;
- логическая корректность научных суждений, в том числе признание условно-правдоподобной семантики значений предложений и причинно-следственных связей для терминов естественных видов⁹.

Такие эпистемологические аргументы относительно природы правовой реальности наиболее глубоко в философии права разработал М. Мур, полагавший, что понимание юридических терминов в контексте метафизического реализма дает множество преимуществ, в частности возможность использовать в нормативных документах и при принятии правовых решений «общепринятые термины о значении слов»¹⁰. Если в аналитической философии права лингвоцентризм выступает основным принципом познания правовых явлений, то в концепции М. Мура язык рассматривается лишь как несовершенный инструмент для описания реальности. В социальных науках ученый должен заботиться о раскрытии истинной природы и сущности таких понятий, как «добродетель», «равенство», «жизнь» и «смерть», а не изучать вечно изменяющиеся и неопределенные лингвистические характеристики употребления слов «добродетель», «равенство» или «смерть». В метафизическом реализме М. Мура сам термин относится к естественному виду событий и фактов, происходящих в мире, что позволяет находить нужные символические языковые конструкции, чтобы именовать конкретные вещи и находить соответствие суждений внешнему миру¹¹. В таком случае использование терминов и их определений не всегда будет статичным, так как обстоятельства их применения могут изменяться.

Аргументы М. Мура направлены и против конвенционального понимания значений правовых понятий в аналитической философии права: если отношения между символами и вещами носят случайный характер, истина как соответствие реальности недостижима. Между тем даже в судебной практике существует немало случаев, когда судьи не занимаются поисками точных значений терминов, а используют определения, данные законодателем, не сталкиваясь с какой-либо неопределенностью. Юристам следует избегать создания собственных «юридических конструкций» в отношении процессов физической реальности и вместо этого ориентироваться на экспертные мнения

⁶ *Харт Г. Л. А.* Существуют ли естественные права // *Харт Г. Л. А.* Философия и язык права. М., Канон+, 2017. С. 116–134.

⁷ *Marmor A.* Exclusive Legal Positivism. Positive Law and Objective Values. New York, 2001. P. 49–70.

⁸ *Himma K. E.* Positivism and Interpreting Legal Content: Does Law Call for a Moral Semantics? Ratio Juris. 2009. Vol. 22. № 1. P. 24–43.

⁹ *Bix B.* Law, Language, and Legal Determinacy. Clarendon Press, Oxford, 1993. P. 136.

¹⁰ *Moore M. S.* A Natural Law Theory of Interpretation. Southern California Law Review, 1985. No. 58. P. 322–323.

¹¹ *Op. cit.* P. 286.

компетентных ученых. Обычное значение и использование термина, а также наши представления о мире обеспечивают лишь фон, контекст, в котором мы интерпретируем законодательные определения. Для Мура законодательные определения, как и общепринятые определения, являются всего лишь «общепринятыми терминами реального или реалистического значения слов»¹², а судьям иногда может быть необходимо игнорировать законодательное определение, когда оно выполняется вопреки истинной природе того, что в определении выделено.

Одним из главных преимуществ метафизического реализма перед аналитическим конвенционализмом в правовом контексте является неподвижность и негибкость конвенционализма в историческом развитии последнего перед лицом исторического развития. Мур утверждал, что поскольку наше понимание объектов и процессов в мире меняется и улучшается со временем, конвенционализм не предлагает ни условий, ни механизмов для изменения наших определений терминов, чтобы успевать вслед за объективными изменениями языка и восприятия значений терминов людьми¹³. В рамках конвенционализма любая попытка применить старый термин к новым обстоятельствам должна быть охарактеризована как изменение значения этого термина.

В качестве примера, активно используемого в судебной практике, Мур приводит использование понятия «смерть». Когда-то люди приравнивали смерть к прекращению работы сердца и легких. Такие определения иногда включались в законодательные акты (например, определяя, когда органы человека могут быть извлечены для использования в трансплантационной хирургии). В последнее же время врачи получили возможность вернуть к жизни некоторых людей, у которых произошла остановка сердца и прекратился дыхательный процесс (в течение короткого промежутка времени). Тем самым врачи и законодатель вслед за ними в настоящее время склонны отождествлять смерть с прекращением работы мозга или с невозможностью его работы¹⁴.

В данной ситуации конвенционалисты не стали бы изменять значение слова «смерть». Если бы в законе, разрешающем трансплантацию, явно использовалось старое определение «смерти», мы все равно считали бы катастрофической ситуацию, при которой судья, полагаясь на старое определение смерти, разрешил бы удаление органа у человека, которого можно было бы вернуть к жизни¹⁵. Реалист же не ограничивает себя числом имеющихся значений слова «смерть». Нормативные определения являются не столько оговорками, сколько первоначальными оценками, подлежащими изменению под влиянием научно-технического прогресса. Поэтому законодательный орган должен иметь такие же реалистические намерения, как и другие субъекты коммуникации.

Однако в таких рассуждениях М. Мура возникают и существенные противоречия. Очевидно, что по мере появления новых научных достижений возможности трансплантации отдельных органов человека вплоть до их переноса в другое тело или клонирования функций человеческого организма неизбежно сталкиваются с этическими ограничениями хирургического вмешательства в человеческий организм или же нарушают сложившиеся представления о личности человека как сочетании социального, духовного и биологического в нем. Быть реалистом по отношению к таким открытиям не означает исключение конвенционализма по поводу принятия этических ценностей и руководства ими (в том числе ценностей жизни и здоровья как установок к поведению во взаимоотношениях с другими людьми).

Например, Мур задает в своих рассуждениях вопрос, как описать тех людей, чье сердце остановилось, но их еще можно реанимировать? Если методы реанимации не будут применены быстро, человек фактически умрет. Считается ли такой человек живым в этот «переходный период», даже если отсутствуют нормальные признаки жизни (например, дыхание и пульс)? Можно утверждать, что человек все еще жив (или по крайней мере «не умер»), потому что реанимация все еще возможна (смерть как событие происходит в тот момент, когда реанимация уже невозможна). Само по себе развитие медицины не будет менять представления и у конвенционалистов по поводу наступления смерти у человека, будут уточняться лишь детали поведения врачей и фиксации их усилий по спасению жизни пациентов¹⁶.

Однако нельзя не заметить, что во время заседаний комитетов врачей, констатирующих состояние пациентов, могут использоваться условные суждения, в частности вопрос «действительно ли этот пациент еще жив?» или же термины «жив», «действительно жив», «клиническая смерть», «неопределенность», «между жизнью и смертью» и др. Несмотря на реалистический характер таких суждений, они имеют и этическую нагрузку наряду с решением юридических вопросов¹⁷. Например, по вопросу «должна ли пациентка продолжать получать определенные формы лечения, несмотря на то, что она находится в постоянном вегетативном состоянии?» обсуждение будет вестись не с точки зрения различия позиций реализма и конвенционализма, а на основе доступной информации и проверки ее достоверности, поэтому ответы могут быть различными. Однако Мур убежден, что «метафизическая дискуссия по поводу реализма имеет практический смысл и имеет отношение к практическим проблемам, как в законодатель-

¹² Op. cit. P. 294.

¹³ Op. cit. P. 396. В конечном итоге из метафизического реализма логически следует и моральный натурализм. Так, М. Мур отмечает, что «даже [метафизический] реалист может и должен признать, что добродетели верховенства права также являются реальными ценностями, в том числе прошлые решения судов, которые имеют некоторую моральную силу» (*Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy*. Clarendon Press, Oxford, 1993. P. 372). Отсюда следует, что моральная сила прецедента имеет большее значение именно в уголовном праве с жесткими мерами принуждения, чем в других отраслях права.

¹⁴ Op. cit. P. 294.

¹⁵ Op. cit. P. 322–325.

¹⁶ Op. cit. P. 396.

¹⁷ *Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy*. Clarendon Press, Oxford, 1993. P. 142.

стве, так и в других местах»¹⁸, поскольку мнения судей, законодателя и госслужащих будут основываться на научных и проверенных данных, а вовсе не на конвенционализме.

Метафизический реализм для философии права выступает символом неуверенности в возможности установления точного значения правовых понятий. Ведь внутри конкретной теории невозможно отличить изменения в отношении к предмету от изменений в самом предмете. В этом смысле теоретические взгляды М. Мура близки семантической концепции Д. Бринка, который полагал, что семантика должна показывать и убеждать пользователей терминов в том, что смысл терминов определяется их отношением к свойствам или классу объектов, которые ими описываются¹⁹. Наши представления о конкретных объектах могут быть ошибочными, хотя убеждения со стороны властей и высказывания экспертов будут лучшим доказательством того, какова природа этих объектов. Тот факт, что разногласия будут сохраняться, означает лишь то, что судьи и законодатель иногда могут ошибаться.

Дилеммы пандемии: между реализмом и конвенционализмом

Рассмотренная выше концепция метафизического реализма в философии права является ярким примером того, как обоснованная аргументация, опирающаяся на сциентизм и поиск объективных оснований принятия социально значимых решений, может столкнуться со стремительно меняющейся социальной реальностью. Так, например, несмотря на универсальный характер понимания ценности жизни во время эпидемии и распространения коронавирусной инфекции, в публичном дискурсе обсуждение диагностики и определения симптомов инфекции сначала сводилось к абстрактным характеристикам заболевания коронавирусом и методическим советам санитарных врачей по дезинфекции помещений, соблюдению масочного режима и социальной дистанции, а после сменилось активным продвижением модели принудительной вакцинации во многих странах мира²⁰. Несмотря на запросы общественности на предоставление научно проверенной информации о результатах экспериментального тестирования различных видов вакцин против коронавируса, основным источником получения информации для граждан становились средства массовой информации или телевидение, нередко спекулирующие незнанием и непониманием людьми характера заболеваний²¹. Короткий перечень противопоказаний к вакцинации, предложенный в большинстве стран мира, свидетельствовал о намерении без какого-либо публичного диалога достичь показателей «коллективного иммунитета» принудительными средствами. В этом смысле рекомендации экспертов в духе метафизического реализма и отсутствие каких-либо конвенций по поводу происходящих событий вокруг пандемии очень быстро привели к утрате доверия к властным институтам и мерам противодействия пандемии в целом²².

Каким мог бы быть ответ с позиции конвенционализма? В данном случае это дискуссия о соотношении индивидуальных ценностей и общего блага, когда действия конкретного человека по защите своего здоровья одновременно выступают этическим поступком в форме заботы по отношению к здоровью других людей. Когда соблюдение масочного режима должно рассматриваться не в качестве административной обязанности (несоблюдение которой карается штрафами, собираемыми избирательно и в произвольном порядке) или навязывания специальных цифровых средств контроля за поведением (проект «Социальный мониторинг» самоизоляции), а в контексте моральной обязанности заботы о близких и старшем поколении, осознании последствий неразумного игнорирования такой меры.

Отсутствие общественных дискуссий по поводу эффективности режимов локдауна, самоизоляции, неизбежного роста расходов на содержание работников в периоды «нерабочих дней» из-за доминирования реалистического дискурса о том, что именно санитарные врачи с учетом цифр статистики, количества мест в медицинских учреждениях определяют характер налагаемых ограничений уже привело к возникновению социальных и правовых проблем глобального масштаба²³. Среди них нарушение принципа равенства граждан при получении плановой медицинской помощи и социальных услуг, когда в силу отсутствия достоверной информации о болезни у конкретного лица и отсутствия у него цифрового QR-кода права граждан ограничены как территориально (свобода перемещения), так и содержательно (невозможность получения необходимых услуг от государства, в частности от судов). Необходимость использования результатов ПЦР-тестирования, преимущественно на платной основе, нарушает конституционные гарантии прав граждан, а также ставит одни социальные группы в уязвленное положение, нежели другие. Несмотря на то, что все граждане одинаково платят установленные налоги и отчисления в бюджет, вне зависимости от наличия или отсутствия результата ПЦР или QR-кода, права у отдельных граждан ограничены на безальтернативной

¹⁸ Moore M. S. The Interpretive Turn in Modern Theory: A Turn for the Worse? *Stanford Law Review*, 1989. Vol. 41. No. 4. P. 873.

¹⁹ Bix B. *Law, Language, and Legal Determinacy*. Clarendon Press, Oxford, 1993. P. 159.

²⁰ Molly S., Rupali L. Building Trust in Vaccination. *Vaccine Reports* (2021). Johns Hopkins University. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/vaccines/report/building-trust-in-vaccination> (дата обращения: 03.02.2022).

²¹ Тростина М. А., Шишканова К. Н. Народные рассказы о COVID-19 как феномен современного городского фольклора // Уральский исторический вестник, 2021. № 2 (71). С. 178–179.

²² Argote P., Barham E., Daly S., Gerez J., Marshall J., Pocasangre O. Messages that Increase COVID-19 Vaccine Willingness: Evidence from Online Experiments in Six Latin American Countries (June 28, 2021). URL: <https://ssrn.com/abstract=3812023> (дата обращения: 01.02.2022).

²³ Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал, 2021. Т. 27. № 2. С. 82–83.

основе. При этом правовые процедуры обжалования незаконно взимаемых штрафов или технических сбоев цифровых платформ в значительной степени остаются неработающими из-за действующих карантинных ограничений.

Противоречивая информация из средств массовой информации о характере и тенденциях глобальной пандемии уже привела к трансформации рынка труда, разрушению сложившихся способов социальной коммуникации и сохранения социальных связей²⁴. Удаленный характер трудовой деятельности, с одной стороны, может стимулировать творческую активность человека вместе с сохранением его здоровья, но с другой — при общей неэффективности карантинных ограничений приводит к росту расходов работодателей на поддержание рабочих мест в безопасном состоянии (с использованием антисептических средств, масок, но при недопущении на рабочие места работников отдельных профессий), искажению системы образования (при массовом дистанционном обучении и невозможности вакцинации несовершеннолетних, попадающих в группу риска по заражению инфекцией). Хаотичный и ситуативный способ введения ограничений, по уже имеющимся экспертным оценкам, не только не остановил пандемию, но еще больше спровоцировал ее негативные последствия для целого поколения людей.

Пандемия символически очертила этические и правовые дилеммы между стихийным пониманием неограниченной свободы и необходимостью ее ограничения в разумных пределах в целях обеспечения общего блага; между поиском адекватных виртуальных способов осуществления деловой активности (интернет-торговля, доставка продуктов первой необходимости и лекарств) и финансовым мошенничеством (с кражей персональных данных и финансовых средств); между формальным равенством по закону и отсутствием надлежащей реакции на нарушения со стороны отдельных групп граждан. Эти дилеммы — яркий пример замены научно обоснованного употребления понятий и терминов, описывающих проблему, обыденным бытовым словоупотреблением, фиксирующим общественное мнение.

Результаты социологических исследований, как отмечает И. Н. Тартаковская, убедительно подчеркивают сочетание двух противоречивых тенденций в восприятии людьми мер, предпринимаемых для противодействия коронавирусной инфекции: «Участники исследования видят свой долг в том, чтобы надевать маски, избегать общественных мест и соблюдать правила ВОЗ (на которые они часто ссылаются)... С другой стороны, конкретные меры, которые принимаются органами власти, вызывают недоверие и (привычное) чувство протеста, каждый придумывает свои правила и их обоснования, но в них не уверен»²⁵. Такая реакция становится понятной, когда ценностные установки граждан, схожие с моделью гражданской ответственности, и нежелание причинять вред другому не сочетаются с фактическим массовым нарушением карантинных ограничений и отсутствием эффективных мер воздействия на нарушителей. Изменение общественного мнения было бы возможным, если бы пандемия не привела к ограничению действия базовых правовых принципов, имеющих в своей основе морально-этическое содержание. Это, прежде всего, *принцип верховенства права*, который по своему смысловому наполнению предполагает наличие действующих правовых процедур защиты нарушенных прав (а не только обеспечение формальной законности при принятии решений). Появление специфического правового режима самоизоляции наряду с ростом заболеваемости при многообразии симптомов коронавирусной инфекции наглядно продемонстрировало гражданам, что обеспечение здоровья является не только их личным делом, но и заботой об общественном благе, но между тем не способствовало упрощению бюрократических процедур получения медицинских услуг и документации. Кроме того, важным в условиях пандемии становится соблюдение *принципа правовой определенности*, то есть базового требования к ясному и точному воспроизведению правовых предписаний в нормативных документах и решениях органов публичной власти. Тем не менее на практике заметным стало постоянное изменение правил, связанных с карантинными ограничениями, регулярный пересмотр решений по отношению к вопросам вакцинации населения. Ключевое значение выполняет и *принцип социальной справедливости*, который не может исчерпываться только формальным сохранением уровня заработной платы для работников, переведенных на самоизоляцию и удаленный режим работы. Данные социологических опросов фиксируют тревожные ожидания людей по поводу перспектив сохранения рабочих мест, уровня жизни, социального и медицинского обслуживания.

Указанные тенденции подчеркивают значимость нахождения в обществе социального консенсуса, компромисса по поводу базовых социальных ценностей, когда в случае гармонизации личных и общественных интересов достижим не только показатель «коллективного иммунитета», но и преодоление противоречий между этическими императивами и социальными потребностями.

Литература

1. Бикс Б. Концептуальные вопросы и юриспруденция // Труды Института государства и права РАН, 2020. Т. 15. № 5. С. 52–73.
2. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: монография / В. К. Левашов [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.

²⁴ Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: монография / В. К. Левашов [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 385–388.

²⁵ Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал, 2021. Т. 27. № 2. С. 77.

3. Ромашов Р. А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Правоведение, 2013. № 3 (308). С. 105–120.
4. Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал, 2021. Т. 27. № 2. С. 68–89.
5. Тростина М. А., Шишканова К. Н. Народные рассказы о COVID-19 как феномен современного городского фольклора // Уральский исторический вестник, 2021. № 2 (71). С. 177–185.
6. Харт Г. Л. А. Существуют ли естественные права // Харт Г. Л. А. Философия и язык права. М., Канон+, 2017. С. 116–134.
7. Argote P., Barham E., Daly S., Gerez J., Marshall J., Pocasangre O. Messages that Increase COVID-19 Vaccine Willingness: Evidence from Online Experiments in Six Latin American Countries (June 28, 2021). URL: <https://ssrn.com/abstract=3812023> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy. Clarendon Press, Oxford, 1993.
9. Daly T. Securing Democracy: Australia's Pandemic Response in Global Context. Melbourne School of Government: Governing During Crises Policy Brief Series. No. 1 (June 3, 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3775908> (дата обращения: 02.02.2022).
10. Himma K. E. Positivism and Interpreting Legal Content: Does Law Call for a Moral Semantics? Ratio Juris. 2009. Vol. 22. No. 1. P. 24–43.
11. Marmor A. Exclusive Legal Positivism. Positive Law and Objective Values. New York, 2001. P. 49–70.
12. Molly S., Rupali L. Building Trust in Vaccination. Vaccine Reports (2021). Johns Hopkins University. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/vaccines/report/building-trust-in-vaccination> (дата обращения: 03.02.2022).
13. Moore M. S. A Natural Law Theory of Interpretation. Southern California Law Review, 1985. No. 58. P. 277–398.
14. Moore M. S. The Interpretive Turn in Modern Theory: A Turn for the Worse? Stanford Law Review, 1989. Vol. 41. No. 4. P. 871–957.

References

1. Biks, B. Conceptual Questions and Jurisprudence [Konceptualnie voprosi i yurisprudenciya]. Works of State and Law Institute of RAS [Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN], 2020. Vol. 15. No. 5. P. 52–73. (In Rus.)
2. Challenges of the Pandemic and Strategic Point for the Society and State: Social and Political State of Affairs and Demographic Situation in 2021 [Vyzovi pandemii i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva: socialno-politicheskoye polozhenie i demographicheskaya situaciya v 2021 godu]. Monograph. Ed. by V. Levashov, G. Osipov, S. Ryazantsev, T. Rostovskaya. Federal Sociological Center Publ, Moscow, 2021. (In Rus.)
3. Romashov, R. Integral Jurisprudence and Legal Encyclopedia: Historical and Methodological Analysis [Integralnaya yurisprudenciya i encyclopediya prava: istoriko-metodologicheskij analiz]. Jurisprudence [Pravovedenie], 2013. No. 3 (308). P. 105–120. (In Rus.)
4. Tartakovskaya, I. Trust Before the Face of Pandemic: In Search of the Grounds [Doverie pered lycom pandemii: v poiskakh tochki opory]. Sociological Journal [Sociologicheskij zhurnal], 2021. T. 27. No. 2. P. 68–89. (In Rus.)
5. Trostina, M., Shishkanova, K. People Stories on COVID-19 as a Phenomenon of the Modern Urban Folklore [Narodnie rasskazy o COVID-19 kak fenomen sovremennogo gorodskogo folklor]. Ural Histoty Herald [Uralsky Istoricheskij Vestnik], 2021. No. 2 (71). P. 177–185. (In Rus.)
6. Hart, H. Are There any Natural Rights [Sushestvuyut li estestvennie prava]. In: Philosophy and Language of Law [Filosopfiya i yazyk prava]. Moscow, Kanon-Plus, 2017. P. 116–134. (In Rus.)
7. Argote, P., Barham, E., Daly, S., Gerez, J., Marshall, J., Pocasangre, O. Messages that Increase COVID-19 Vaccine Willingness: Evidence from Online Experiments in Six Latin American Countries (June 28, 2021). URL: <https://ssrn.com/abstract=3812023> (date of access: 01.02.2022).
8. Bix, B. Law, Language and Legal Determinacy. Clarendon Press, Oxford, 1993.
9. Daly, T. Securing Democracy: Australia's Pandemic Response in Global Context. Melbourne School of Government: Governing During Crises Policy Brief Series. No. 1 (June 3, 2020). URL: <https://ssrn.com/abstract=3775908> (date of access: 02.02.2022).
10. Himma, K. E. Positivism and Interpreting Legal Content: Does Law Call for a Moral Semantics? Ratio Juris. 2009. Vol. 22. No. 1. P. 24–43.
11. Marmor, A. Exclusive Legal Positivism. Positive Law and Objective Values. New York, 2001. P. 49–70.
12. Molly, S., Rupali L. Building Trust in Vaccination. Vaccine Reports (2021). Johns Hopkins University. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/vaccines/report/building-trust-in-vaccination> (date of access: 03.02.2022).
13. Moore, M. S. A Natural Law Theory of Interpretation. Southern California Law Review. 1985. No. 58. P. 277–398.
14. Moore, M. S. The Interpretive Turn in Modern Theory: A Turn for the Worse? Stanford Law Review, 1989. Vol. 41. No. 4. P. 871–957.